

Показания рядового Гаврилова, вышедшего из плена

Прочее

16 марта 1840 года, Черноморского Линейного № 2-й батальона 2-ой роты рядовой Гаврилов на пароходе «Могучем», в присутствии начальника 1-го отделения Черноморской Береговой Линии, Свиты Его Императорского Величества контр-адмирала Серебрякова опрошен и показал: Зовут меня, как сказано выше, от роду 28 лет, вероисповедания римско-католического, грамоте не обучен; во время бывшего Польского мятежа помещиком моим Мартыном Стецким взят из крестьян Житомирской губернии, Луцкого уезда, селения Вольки, в ряды мятежников; но при разбитии мятежнической шайки под Ковелем захвачен в плен, в последствии обращен в Российскую службу и в 1832 году определен в помянутый батальон; на верность службы приведен к присяге, воинский устав мне известен, и что за какое преступление чинить повелено, знаю. Следующей весной, в 1833 году, месяца и числа не помню, перед праздником Св. Пасхи, во время заготовки дров для Анапского гарнизона, я находился в числе рабочих, имея заряженное за плечами ружье; наваленные дровами повозки уже тронулись в обратный путь, но рабочие оставались еще в лесу, чтобы нарубить вязанки для своих артелей; под прикрытием конной казачьей цепи я, нагнувшись, рубил кустарник и вдруг внезапно был схвачен сзади за ружье горцем, который, грозя мне обнаженным кинжалом, если стану призывать на помощь, потащил в соседний овраг и повел в свой аул, расстоянием, как я полагаю, от того места

в 15-ти, а от Анапы в 30-ти верстах к стороне моря: дальность Анапы, изнурение сил и неизвестность дорог не позволили мне бежать от хозяина моего, Карабай-Исмаила, которого я неоднократно просил продать меня в другие руки, надеясь через то сблизиться с Россией и найти более удобный случай к побегу; через три месяца по взятии в неволю он отдал меня брату своему, живущему над рекой Кубань, в ауле, которого названия не припомню; я хотел спастись вплавь на один из противоположных кордонов, но был открыт беглым Черноморским казаком и через два месяца отведен к прежнему хозяину, который вскоре продал меня в ущелье Нагупси, близ Туапсе, горцу Саутох-Исмаилу, у которого находился до самого побега моего из гор. До занятия нашими войсками Туапсе я не мог бежать по дальности наших укреплений и неизвестности дорог, после же того надзор был за мной усилен, и я не мог прежде исполнить своего намерения, как по взятии горцами форта Вельяминовского: тогда надзор их сделался опять слабее. Наконец, сговорясь с горником и Азовским казаком, захваченными при уничтожении тамошнего гарнизона, мы 5 марта решились втроем бежать и, следуя по ночам, а днем скрываясь в чаще леса, с 6-го на 7-е число прибыли благополучно к блокгаузу форта Головинского. В бытность мою в неволе в горах, там находилось множество наших пленных и дезертиров, так что у каждого хозяина было их по одному, а у многих по два и по три; некоторые из них взяли себе жен и прижили семейства, но большая часть, по худому содержанию и трудности работ, желают при первой возможности возвратиться. Подробности о взятии форта Лазарева мне не хорошо известны, о взятии форта Вельяминовского могу сказать утвердительно, что горцы собираться стали за две недели перед тем, не только соседние, но и дальних племен, даже из окрестностей Анапы и Кубани, и в числе последних и мирные; шли все от старого до малого, число их простиралось не менее 8 тысяч. Они положили сделать решительное нападение, не убирая ни убитых, ни раненых, пока совершенно не овладеют фортом; понесенные ими потери, по собственным их словам, простираются не менее 800 убитых и раненых, до полутораста тел одних дальних горцев по трудности перевозки похоронены

близ самого укрепления. О числе наших пленных мне неизвестно; из офицеров я видел только Навагинского полка подпоручика Худобашева, раненного двумя пулями в руку и ногу; из числа более значительных горцев тяжело ранен Казбечъ, который вскоре умер. По взятии укрепления горцы разошлись для отвоза по домам добычи, тел и раненых, с тем, чтобы потом опять всем собраться и идти брать форты Навагинский и Головинский и таким образом продолжать еще с осени принятые ими намерения овладеть всеми нашими укрепленными пунктами от Сухума до Анапы и, для более верного успеха, послали 12 старшин просить помощи всех дальних племен, даже живущих на Кубани и мирных. Показание отбирал в должности Старшего Адъютанта Прапорщик Пашковский.

Автор: Прапорщик Пашковский

